

Г. В. ДЬЯЧЕНКО

ДУХОВНО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЛОВА (ΛΟΓΟΣ) В БОГОСЛОВИИ СВЯТИТЕЛЯ ГРИГОРИЯ НИССКОГО

УДК 276 (81–119)

Аннотация

В статье рассматриваются духовно-гносеологические аспекты слова (λόγος) в богословии свт. Григория Нисского. Автор исследует указанные святителем условия истинности слова. В статье также осуществляется реконструкция модели слова в представлении свт. Григория Нисского. Согласно ей, слово охватывает собой три элемента — сущее, мысль и имя. Связь между всеми тремя элементами слова заключается в последовательном отношении «по образу». В работе исследуются гносеологические параметры слова, то есть опосредованная умом человека связь сущего и его имени. Автор очерчивает духовную перспективу слова, в котором проявляется добродетельное или грешное состояние человеческого ума. В целом в работе охарактеризована умная составляющая слова, сокрытая за звуко-буквенной его стороной.

Ключевые слова: слово, ум, имя, образ имени (τύπος), мысленный образ (εἶδος), примышление (ἐπίνοια).

Проблема обозначения, то есть связи мира, человека и имени, выступает наукообразующей для языкознания и в то же время полноправно вводит его в пространство богословско-философской рефлексии. Какова познавательная и выразительная способность человека? Все познаваемое человеком является конструкцией его ума или имеет свое основание в природе вещей? Как слово связано с предметом и мыслью о нем? Решение этих по сути своей метафизических вопросов лежит, однако, в основе представления лингвистов о слове, определяет саму

методологию лингвистического исследования¹. Это методологическое обстоятельство актуализует для лингвистики учение о слове святителя Григория Нисского (331 г. — после 394 г.), который в ходе полемики с еретиком Евномием сформулировал целостную модель познания и именования человеком Бога и мира.

Античное языкознание ко времени свт. Григория Нисского знало несколько теорий, объясняющих связь сущего, человека и имени. Древние философские теории происхождения языка обобщены П. Б. Михайловым, опирающимся на отдельные результаты исследования М. С. Тройано², следующим образом: «...1) мистическая — имена являются продуктом природы, так учил Эпикур (“люди уловили некие звуки со стороны предметов”), ему следует и Евномий; 2) научная — имена введены человеком в соответствии с природой обозначаемых предметов ($\varphi\rho\upsilon\sigma\epsilon\iota$ — $\theta\acute{\epsilon}\sigma\epsilon\iota$), можно вспомнить Аристотеля, стоиков, неоплатоников и, в особенности, Аммония (имена изобретаются ономастом, постигнувшим природу вещей, и в соответствии с ней приписывающим им имена); 3) скептическая — имена введены человеком по соглашению ($\theta\acute{\epsilon}\sigma\epsilon\iota$ — $\sigma\upsilon\nu\theta\acute{\eta}\chi\eta$), так пишет Секст Эмпирик (“слова имеют значение по установлению, а не по природе”)³. Часто предпринимается попытка отнести самого свт. Григория к одной из указанных теорий, однако в этом случае исследователи фиксируют условность и противоречивость взглядов святителя. Так, американский исследователь его гносеологии А. Вейсвурм предполагает, что святитель может быть «грубо отнесен к защитникам теории имен по соглашению ($\theta\acute{\epsilon}\sigma\epsilon\iota$). Тем не менее он не интересовался напрямую противопоставлением древних $\varphi\rho\upsilon\sigma\epsilon\iota$ - $\theta\acute{\epsilon}\sigma\epsilon\iota$, хотя действительно утверждал, что понятие первичнее термина и что

¹ На эту зависимость языкознания от метафизического философско-богословского фундамента указал, в частности, Ю. С. Степанов: «Современное языкознание подчеркивает важную роль философии и ее методов в выработке подхода к объекту исследования на всех этапах истории языкознания» (Степанов 1998. С. 298). Философский (и шире — богословский) фундамент, то есть представление о бытии Бога, мира и человека, определяет парадигму лингвистического исследования, ее способ теоретизирования, а также методы анализа языковых фактов.

² Troiano 1980. P. 341.

³ Михайлов 2005. С. 15.

термин не является причиной понятия, как заявляли и защитники теории установления имен по природе»⁴. «Конвенционалистским» представление о языке Нисского святителя называют также А. Вициано⁵ и Л. Карфикова: «И для Григория, несомненно, речь не является естественной функцией, а общественным соглашением»⁶. В свою очередь, А. Мередит отмечает, что «для Григория и Василия язык ни всецело конвенционален, ни всецело природен (аномейская позиция), но нечто среднее между ними»⁷. Действительно, в отношении лингвобогословских взглядов свт. Григория Нисского античная дилемма «природа-конвенция» оказывается достаточно условной, потому что оба ее члена неверно представляют роль «среднего» звена между сущим и его именем — роль ума человека. Таким образом, в данном исследовании рассмотрим представления свт. Григория Нисского о духовно-познавательных свойствах ума человека, которые делают его теорию слова оригинальной, или собственно христианской.

Углубляться в умную перспективу слова, как она открывается в богословии свт. Григория Нисского, следует с анализа его утверждения об истинности слова и с выяснения необходимых для этого условий. Поскольку слово человека, с одной стороны, связано с истинным или ложным постижением сущего, а с другой — с именем, которое долженствует быть для мысли подлинным «образом» (*ὀνόματος τύπος*)⁸, постольку св. Григорий выделяет два условия, при которых «выправляется слово», то есть является правильным и истинным. Это, во-первых, истинный мысленный образ сущего, «когда и разум не погрешает относительно искомого», а во-вторых, истинный, «соответственный» (*προσφορῶς*), образ имени, когда «звук (слова) метко выражает мыслимое

⁴ Weiswurm 1952. P. 117–118.

⁵ Viciano 1988. P. 322–324.

⁶ Карфикова 2012. С. 302.

⁷ Meredith 2007. P. 249.

⁸ Свт. Григорий указывает, что «мысль переводится в образ имени (*εἰς ὀνόματος τύπον*)» (*Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 973; Jaeger. 1. P. 281:11–13. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. 1864. Ч. 6. С. 342)*), что «умопредставляемое переходит в образ имени» (*Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1012; Jaeger. 1. P. 314:17–18. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. 1864. Ч. 6. С. 384)*).

посредством соответственного изъяснения»⁹. Подчеркивая для слова важность двух условий — как истинной мысли, так и соответственного ей имени, свт. Григорий тем не менее решающей в слове считает мысль, а не ее выражение: «Итак поелику от двух условий зависит правильное направление слова, от достоверности по мысли и от приношения в речениях, то лучше было бы, если бы оно имело достоинство того и другого. Но не менее хорошо не ошибаться относительно должного понимания (предмета), хотя бы слову и случилось быть ниже понимаемого»¹⁰. В слове мы прежде всего ищем мысль (τὴν διάνοιαν), всегда преодолевая и оставляя позади чувственный образ имен: «...мы, оставляя без внимания звук речений (ἐν τοῖς ῥήμασιν ἤχον), так или иначе возвещаемый»¹¹ (ἐξαγγελλόμενον) по мере способности говорящих, обращаем внимание на один смысл, который открывается в речениях¹², здрав ли он или нет, предоставив искусству грамматиков эти тонкости употребления речений или имен»¹³. Истинность мысли тем самым свт. Григорий считает решающей для истинности слова.

Истинность мысли о сущем определяется св. отцом не в перспективе чувственного познания явлений (φαινόμενα), а в перспективе Бого-созерцания. Так, согласно свт. Григорию, «расположение ума к истине и благу» заключается в созерцании («душевном видении») Бога. Именно это направление ума к Истине предпочтительнее благолепия речений: «... хотя сходятся между собою оба сии действия, и помыслить правильно и истолковать, человек же совершен при том и другом. Но если недостает второго, человеку необразованному в слове небольшой от сего вред, как скоро душевное его видение направлено ко благу. Сказано: «Людие сии устнами чтут Мя: сердце же их да-

⁹ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1104; Jaeger. 1. P. 394:6–9. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. 1864. Ч. 6. С. 489).*

¹⁰ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1104; Jaeger. 1. P. 394:12–17. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. 1864. Ч. 6. С. 489–490).*

¹¹ ТСО: произносимый.

¹² ТСО: словах.

¹³ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1104; Jaeger. 1. P. 394:22–27. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. 1864. Ч. 6. С. 490).*

лече отстоит от Мене»¹⁴. Что же означает сие? То, что пред Богом Судиею, Который слышит неизрекаемые воздыхания, расположение души к истине предпочтительнее словесного благолепия в речах. Ибо они могут быть употребляемы и для противоположной цели, так как язык, по власти говорящего, удобно служит чему угодно; а душевное расположение, каково оно на самом деле, таким и видит его прозирающий сокровенное»¹⁵. Безвредно, по мнению свт. Григория, если человек имеет слабую способность к истолкованию, то есть к выражению мысли в имени, но вредно, если человек мыслит ложно, то есть если его ум *далече отстоит* от Бога¹⁶. Следовательно, «расположение души к благу и истине», которая, согласно св. отцу, заключается в словах, или действиях, Божиих, «вложенных в естество твари»¹⁷, означает постижение сущего в единстве его нетварной и тварной сторон. Только этим обеспечивается «здоровость» (ὁγιῶς), «достоверность» (τῆς ἀσφαλείας), «правильность» (νοεῖν δεξιῶς) и «непогрешимость» (μὴ διαμαρτεῖν), то есть истинность мысли о сущем.

Ложность хотя бы одного из двух условий истинности слова порождает обман, то есть слово ложное. Свт. Григорий подробно раскрывает данный механизм ложности человеческого слова: «А иногда случается неудача и в том и в другом, или в одном чем-либо, когда прилагается не так как должно, или постигающий рассудок, или способность изъяснения»¹⁸. «Не так, как должно», прилагается ум, ког-

¹⁴ Мф 15, 8.

¹⁵ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 1.37* (PG 45, 417; Jaeger. 1. P. 183:3–15. Рус. пер.: ТСО. Т. 41. 1862. Ч. 5. С. 206).

¹⁶ Ср.: «Вера колеблется не от речений и произношения, а от неточности в смысле» (*Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 1.37* (PG 45, 417; Jaeger. 1. P. 182:17–19. Рус. пер.: ТСО. Т. 41. 1862. Ч. 5. С. 205). «Благогочестие заключается в мысли, а не в словах и звуках» (*Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13)* (PG 45, 956; Jaeger. 1. P. 265:22–23. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. 1864. Ч. 6. С. 319).

¹⁷ *Gregorius Nyssenus. Apologia in hexaemeron* (PG 44, 73; Jaeger. 4.1. P. 22:18–20. Рус. пер.: ТСО. Т. 37. 1861. Ч. 1. С. 16; PG 44, 88. Jaeger. 4.1. P. 40:5–7. Рус. пер.: ТСО. Т. 37. 1861. Ч. 1. С. 32; PG 44, 73; Jaeger. 4.1. P. 21:7–9. Рус. пер.: ТСО. Т. 37. 1861. Ч. 1. С. 15 и др.

¹⁸ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13)* (PG 45, 1104; Jaeger. 1. P. 394:9–12. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. 1864. Ч. 6. С. 489).

да обманывается в постижении сущего, а способность изъяснения — когда, во-первых, «неметко», то есть не совсем точно, истолковывает мысль именем, а во-вторых, когда неточность истолкования искажает и даже меняет саму мысль. «Неметкое» истолкование мысли в образе имени не умаляет истинности слова, поскольку не совсем точное имя не противоречит являемой им мысли. Однако степень неточности имени может быть превышена настолько, что оно совершенно перестает соответствовать истине познанного. Тем самым ложное слово порождается не только ложным представлением о сущем, но даже при правильном видении сущего — ложным его именованием, когда не выполняется требование о соответствии имени мысли. «Разделяющее слово»¹⁹ свободно как на этапе разделения сущего на свойства, так и на этапе их именованя.

«Псевдонимом»²⁰, то есть лжеименем, называет Нисский святитель имя, значение которого не «сосвидетельствует естеству», то есть когда именование противоречит понятию о естестве. «Если кто прославляемого за великую добродетель назовет развращенным, или наоборот, обвиняемого во всяком зле, добрым и благонравным, то будет ли имеющими ум сочтен таковой здравомыслящим или сколько-нибудь внимательным к истине, когда изменяет в противную сторону названия, при несоответствии значения имен естеству?»²¹. Если «прославляемый за великую добродетель» — это истинный мысленный образ естества, то именование «развращенный», являющееся в уме другой мысленный образ, выступает по отношению к первому лжеименем, или псевдонимом. Такое несоответствие имени мысли, а через нее несоответствие имени естеству представляет собой «невнимание к истине», или обман. Говорит ложь тот, кто «изменяет» мысленный образ вещи несоответственными ему именами: «Но как истинен тот, который ложно представляет

¹⁹ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1002; Jaeger. 1. P. 305:26–306:12. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. 1864. Ч. 6. С. 373–374.*

²⁰ *Gregorius Nyssenus. De Perfectione christiana ad Olympium (PG 46, 256; Jaeger. 8.1. P. 177:12. Рус. пер.: ТСО. Т. 44. 1865. Ч. 7. С. 228.*

²¹ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1017; Jaeger. 1. P. 319:6–11. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. 1864. Ч. 6. С. 390–391).*

вещи, и изменяет истину в значениях имен?»²². Ложь говорит тот, кто именуется вещи «несоответственно с означаемым», то есть с понятием о естестве: «Ибо в обыкновенной нашей жизни одним обезумевшим от пьянства или бешенства свойственно ошибаться в рассуждении имен и употреблять о предметах звуки несоответственно с означаемым²³, но собакой, например, называть человека²⁴, а наоборот к собаке прилагать название человека»²⁵. Итак, слово становится ложным не только при ложности самой мысли, но и по причине лжеименования.

Если существует лжеимя, то есть ложное именование мысли, то тем более существует имя истинное, то есть соответствующее мысли ее именование. Истинное имя не разногласит, а «свойственно» мысленному образу естества: «Каковы естество и истина существ», так следует и называть их, «давая названия не вопреки их существу, но с тем, дабы означаемое было вполне ясно, быв выражено в свойственных оному названиях»²⁶. Таким образом, истинность слова зависит также от двух условий: истинности познания и истинности именованья. Как видим, от духовного состояния «разделяющего слова» человека зависит, будет ли имя псевдонимом или подлинным для мысли образом. При познании и именовании сущего проявляется собственно духовное состояние ума человека — его добродетельность или греховность.

Ложный характер деятельности «разделяющего слова» человека обусловлен повреждением ума грехом и греховными страстями. Согласно свт. Григорию Нисскому, именно «чистота сердца от лукавых мыслей» предваряет истинное слово: «Или не предварительную ли чи-

²² *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1020; Jaeger. 1. P. 321:8–9. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. 1864. Ч. 6. С. 393).*

²³ ТСО: слова не согласно с их значением.

²⁴ ТСО: собаку ... человеком. Здесь в ТСО ошибка перевода, так как в оригинале: ἀλλὰ κύνα μὲν λέγειν, ἂν οὕτω τύχη, τὸν ἄνθρωπον, κινὴ δὲ πάλιν ἐφαρμόζειν ἀνθρώπου προσσηρίαν.

²⁵ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1017; Jaeger. 1. P. 319:14–19. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. 1864. Ч. 6. С. 391).*

²⁶ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1020; Jaeger. 1. P. 320:19–22. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. 1864. Ч. 6. С. 392).*

стотою сердца от лукавых мыслей приуготавливается слово истины»²⁷. Следовательно, греховная нечистота ума приуготавливает слово ложное. В истинном слове чистый ум, во-первых, видит сущее в единстве невидимого слова Божия и видимого явления, то есть получает истинный мысленный образ сущего, а во-вторых, именует эту истинную мысль соответственным ей именем. В слове ложном искаженный грехом ум, во-первых, видит сущее исключительно или в той или иной степени как явление, то есть получает ложный мысленный образ сущего. (Хотя далее может именовать его соответственно, тогда это заблуждение, но не обман). Во-вторых, нечистый ум способен именовать мысль (даже достоверную) несоответственным ей именем. Если говорить языком зрелой православной аскетики, то магистральными искажающими образ сущего направлениями нечистого ума являются страсти гордыни, тщеславия, уныния, печали, гнева, сребролюбия, блуда и чревоугодия. Напротив, чистый ум «разделяет» и именует сущее в соответствии с добродетельными направлениями любви, смирения, трезвения, сокрушения, кротости, нестяжания, целомудрия и воздержания. Итак, после грехопадения и слова сущего померкли, и слово человека повредилось пороком. Таким образом, богословское учение свт. Григория Нисского о слове человека предоставляет прочный фундамент одному из ключевых тезисов современной лингвистики о том, что слово «имеет нелингвистические перспективы философского, богословского, психологического осмысления, оставаясь при этом главной необходимой причиной вербального — лингвистического — материала»²⁸. Эти «нелингвистические перспективы» состоят в том, что истинное слово представляет собой явление в имени чистого ума, или добродетелей, а ложное — явление в имени лукавого ума, или страстей.

О явлении добродетели в имени святой Нисский архипастырь говорит в толковании Екклесиаста²⁹. Так, «старцем» называет св. Григорий того, кто очистил сердце от «непостоянных помыслов», вышел из «не-

²⁷ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium* 1.37 (PG 45, 417; Jaeger. 1. P. 182:19–21. Рус. пер.: ТСО. Т. 41. 1862. Ч. 5. С. 205).

²⁸ Вдовиченко 2013а. С. 487.

²⁹ См. Еккл. 1, 8.

упорядоченного возраста» и жизнь ведет «в порядке»: «Пресвитером, по обычаю, называется, кто вышел из неупорядоченного возраста, и находится в престарелом состоянии; так что, если кто непостоянен помыслом и жизнь ведет не в порядке, то таковой, хотя бы показывались у него и седины, не пресвитер, но еще муж»³⁰. Слова, рождаемые чистым сердцем «старца», «трудны», а «муж», не очистивший сердце, их вовсе «не возможет глаголати». «Посему словеса, словеса в подлинном смысле душе полезные, служащие ко благу людей, суть словеса, требующие пота и трудов, и они, чтобы стать словесами, приводят ко многим усилиям. Ибо труждающему делателю прежде подобает от плода вкусити³¹, говорит художник таковых словес, так что под словом разуметь должно не речение, но добродетель, предлагаемую видящим в делах, чтобы вместо слова сделались они для поучаемых уроком жизни. Посему трудны все таковые словеса тех наставников добродетели, которые сперва сами преуспевают в том, чему учат»³². Итак, слово «старца», то есть рожденное чистым умом, «не речение», но явление «добродетели». Трудно стяжать добродетель, а потому «трудны» ее слова, становящиеся «уроком жизни».

В слове как явлении добродетели проявляется прежде всего любовь. Такие слова чутко «приспособлены к силам приемлющих». Так, у св. апостола Павла и Невесты из «Песни Песней»³³ готово «слово, не одного рода пользу оказывающее слушателям, но приспособленное к силам приемлющих, так что пригодно оно и более совершенным, и младенчествуящим, для совершенных служа медом, а для младенчествуящих — млеком. Таков был Павел; он более нежными словами питает новорожденных, а совершенным глаголет премудрость в тайне сокровенную от веков, и которой не вмещают век сей и князи его»³⁴. Итак Жених скажет, что такое уготовление меда и млека лежит под

³⁰ *Gregorius Nyssenus*. In *Ecclesiasten 1* (PG 44, 629; Jaeger. 5. P. 292:9–14. Рус. пер.: ТСО. Т. 38. 1861. Ч. 2. С. 218–219).

³¹ 2 Тим. 2, 6.

³² *Gregorius Nyssenus*. In *Ecclesiasten 1* (PG 44, 629–632; Jaeger. 5. P. 292:14–23. Рус. пер.: ТСО. Т. 38. 1861. Ч. 2. С. 219).

³³ Песн. 4, 11.

³⁴ 1 Кор. 2, 6–7.

языком у невесты, указывая таковым изречением на распорядительное³⁵ и благовременное употребление словес. Ибо кто знает, как должно отвечать каждому, тот, имея под языком эту многообразную силу слова, каждому из слушающих, сообразно с временем, предлагает благопотребное»³⁶. Слово человека выражает не только мысль о существе (гносеологический аспект слова), но и проявляет саму «распорядительность» пользующегося им (духовный аспект слова). Слово чистого ума «соответствует» уму приемлющего. Следовательно, «многообразная сила слова», выступающего то «млеком», то «медом», определяется не чем иным, как любовью к приемлющему слово. Добродетельное устройство «разделяющего слова» (*διαίρων λόγος*) учитывает в том числе состояние ума слушающего.

Кроме добродетели любви, в слове, которое рождено чистым умом, проявляется также добродетель воздержания. По свт. Григорию, чистое сердце рождает «слово в меру», то есть благовременное и соразмерное. Согласно его толкованию Песни Песней³⁷, мера слова — это положенная на уста «вервь» или «уже»: «Вервь же, положенная на устах, загадочно дает разуметь мерное служение слову, что Пророк назвал хранением и дверью ограждения»³⁸, когда уста во время отверзаются и во время закрываются для слова. А что вервь — наименование меры (*μέτρον*), дознали мы сие из пророчества Захарии. *Глаголяй* в нем Ангел имел в руках *уже землемерно*³⁹. Слово же тогда наипаче бывает в меру, когда прикрашено стыдливым румянцем, что служит загадочным знаком крови Искупившего нас. Если кто, подобно Павлу, имеет *глаголющаго* в себе Христа⁴⁰, Свою кровию искупившего нас, то он имеет *уже землемерно* на устах, украшенное тем, что оно кровавого цвета. Следующее за сим слово есть истолкование прежней загадки. Ибо *красною беседою* именуется Слово червле-

³⁵ ТСО: сокровенное.

³⁶ *Gregorius Nyssenus*. In Cantica Canticorum 9 (PG 44, 960; Jaeger. 6. P. 270:13—1271:6. Рус. пер.: ТСО. Т. 39. 1862. Ч. 3. С. 233).

³⁷ Песн. 6, 4—6.

³⁸ Пс. 140, 3.

³⁹ Зах. 2, 13.

⁴⁰ 2 Кор. 13, 3.

ную вервь, чем опять означает благовременность и соразмерность»⁴¹. «Уже на устах», которое «кровавого цвета» означает, что воздержание приобретается подвигом борьбы против греховных страстей. Кто имеет *глаголющаго* в себе Христа, тот имеет на устах *червленую вервь* воздержания и поэтому ведет *красную беседу*, благовременную и соразмерную⁴². Таким образом, согласно Нисскому архипастырю, любовь, воздержание, мудрость, распорядительность, благовременность, соразмерность⁴³ и прочие добродетели являются в образе имени в том смысле, что определяют собой само «разделение» словом сущего на «движения» и последующее их именование. Такова духовная перспектива слова человека.

Что касается собственно гносеологической перспективы, а именно связи сущего и имени, то здесь взгляды свт. Григория Нисского не менее глубоки и важны. Ложное имя, по мнению св. отца, вступает в противоречие с самим естеством. Так, святитель полагает, что «естество отзывается на имена»⁴⁴. Поэтому дать ложное имя — значит «оболгать» вещь⁴⁵. Придающий предметам лжеимена «издевается над вещами», «оскорбляет» достойные предметы общими именами с худыми⁴⁶. Ложное смешение имен «сливает предметы»: «И если не намерены мы переменою имен произвести какой-либо слитности в предметах, непременно должно при каждом относительном речении сохранять собственное его значение»⁴⁷. Следовательно, свт. Григорий Нисский

⁴¹ *Gregorius Nyssenus*. In *Cantica Canticorum* 15 (PG 44, 1105–1108; Jaeger. 6. P. 454:13–455:8. Рус. пер.: ТСО. Т. 39. 1862. Ч. 3. С. 394–395).

⁴² См. также экзегезу свт. Григорием Нисским Еккл. 3, 7 «*время молчати и время глаголати*» (*Gregorius Nyssenus*. In *Ecclesiasten* 7 (PG 44, 728; Jaeger. 5. P. 409:8–410:13. Рус. пер.: ТСО. Т. 38. 1861. Ч. 2. С. 328–329)).

⁴³ Ср. с принципом кооперации и максимами П. Грайса, а также принципом вежливости Дж. Лича в коммуникативной лингвистике (Grice 1975; Leech 1983).

⁴⁴ *Gregorius Nyssenus*. *Contra Eunomium* 12.2 (13) (PG 45, 1020; Jaeger. 1. P. 320:29–30. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 393).

⁴⁵ *Gregorius Nyssenus*. *Contra Eunomium* 12.2 (13) (PG 45, 1020; Jaeger. 1. P. 321:8. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 393).

⁴⁶ *Gregorius Nyssenus*. *Contra Eunomium* 12.2 (13) (PG 45, 1020; Jaeger. 1. P. 320:27–321:1. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 392–393).

⁴⁷ *Gregorius Nyssenus*. *Contra Eunomium* 4.5 (PG 45, 657; Jaeger. 2. P. 88:12–15. Рус. пер.: ТСО. Т. 41. Ч. 5. С. 478).

утверждает тесную связь самого сущего и его имени. Он заявляет: «Итак признаем, что примышление слов (*ῥημάτων ἐπίνοια*) или усвоение имен (*ὀνομάτων θεσις*) имеет нечто общее с самими предметами, которые обозначаем известным звуком имен и *речений*⁴⁸»⁴⁹. «Нечто общее» для сущего и его имени — это, согласно свт. Григорию, мысль. Имя и естество «совпадают» в мысли. Так, святитель утверждает, что наименование «совпадает с сущностью по понятию»: «Открывшееся последовательно, говорит Евномий, состоит в связи не с сущностью, но с наименованием. А что такое наименование, премудрый? Разногласит ли с сущностью, или совпадает⁵⁰ с нею по понятию? Если имя не в связи с сущностью, то как сущность характеризуется наименованием “Нерожденный”⁵¹? Если же, как сам именуешь, сущность соответственно выражается наименованием “Нерожденность”⁵², то почему отделяется здесь?»⁵³. Итак, имя не «разногласит» и не «отделяется», а состоит «в связи» с сущностью, то есть «совпадает» с нею через посредство понятия (*κατὰ τῆς ἐννοιας*). Если бы имя было не «в связи» с сущностью, то не «характеризовало» бы ее. Тогда как сам Евномий признает, что именованнием сущность «выражается соответственно». Таким образом, свт. Григорий Нисский учит о *соответствии* имени самому именуемому им сущему через опосредование умом человека.

Имя и естество не связаны между собой напрямую без участия человека, их связь опосредована нашим умом. Свт. Григорий отрицает, что имя означает само естество или что сущность непосредственно заключается в имени. Напротив, евномиане утверждали, что имя есть сама сущность. Святитель свидетельствует: «Евномиане говорят, что Бог нерожден: и мы согласны с этим; но что нерожденность есть и сущ-

⁴⁸ ТСО: слов.

⁴⁹ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium* 12.2 (13) (PG 45, 964; Jaeger. 1. P. 271:22–25. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 328).

⁵⁰ ТСО: сходится.

⁵¹ ТСО: какие отличительные черты сущности означаются наименованием: “Нерожденный”.

⁵² ТСО: естественно соединена с нерожденностью.

⁵³ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium* 1.41 (PG 45, 456; Jaeger. 1. P. 216:27–217:8. Рус. пер.: ТСО. Т. 41. Ч. 5. С. 249–250).

ность, этому противоречим; ибо, говорим мы, это имя означает, что Бог существует нерожденно, а не то, что нерожденность есть Бог»⁵⁴. Имя не есть естество, а «усвоено», «приспособлено», «прикладывается» к нему нашей познавательной-выразительной силой. Так, «имя *нерожденность* не означает естества, но усвоено естеству вследствие примышления, которым означается существование Его без причины. А они (евномиане. — Г. Д.) доказывали, что этот звук⁵⁵ выражает самую сущность»⁵⁶. Имя означает не «естество», но понятие нашего ума о естестве («существование Его без причины»), поскольку имя является продуктом нашего примышления. Если бы в имени, рассуждает святитель, заключалась сама сущность, то, меняя название предмета, мы бы меняли сам предмет. Тогда как «перелагая в образ имени возникающее у нас о подлежащем понятие⁵⁷, мы выражаем мыслимое различными речениями⁵⁸, изменяя не самый предмет (τὸ πρῶγμα), но только *названия*⁵⁹, которыми именуем оный. Потому что предметы остаются сами по себе такими, какими они суть по естеству; рассудок (ἡ δὲ διάνοια) касаясь существующего, какими может, речениями⁶⁰ раскрывает свои понятия. И как с переменою имени не изменилась сущность (ἡ οὐσία) Петра, так и ничто другое из усматриваемого нами не изменяется с переменою имени»⁶¹. Перемена имени потому не изменяет сущность, что имя выражает не ее, а мыслимое о ней. Согласно святителю, имя есть «одно и то же» с предметом не само по себе, а «по понятию». Евномий же утверждал, что «имя есть одно и то же с (именуемым) предметом,

⁵⁴ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium* 12.2 (13) (PG 45, 968; Jaeger. 1. 276:7—11. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 335).

⁵⁵ ТСО: слово.

⁵⁶ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium* 12.2 (13) (PG 45, 968; Jaeger. 1. P. 275:19—23. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 334).

⁵⁷ ТСО: Ибо принимая находящееся в уме понятие о каком-либо предмете, как образец имени.

⁵⁸ ТСО: словами.

⁵⁹ ТСО: слова.

⁶⁰ ТСО: словами.

⁶¹ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium* 7.4 (PG 45, 760; Jaeger. 2. P. 179:5—15. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 91).

так как, по его определению, нерожденность составляет сущность»⁶². Свт. Григорий совершенно не допускал, что имена являются некоей номенклатурой сущего: «Итак оставив обычное баснословие, пусть покажет нам имена означающие сущности, и тогда на основании различия имен пусть разделяет предметы»⁶³. На основании различия имен разделяются не предметы, а наши понятия о них. Еретики отрицали обозначение именем только понятия о сущем потому, что исключали «середину» в слове — ум человека⁶⁴.

Собственно ум человека, согласно свт. Григорию, и обеспечивает соответствие имени сущему. Благодаря богоподобию ума человека, способного к истинному познанию и истолкованию, имена, хотя и не «означают» естества, но «собственны», «соответственны» или «природны» естеству. «Итак должен сказать, что (сии имена) не означают (естества). Но никто не осмелится сказать, что наречение имен не имеет собственного смысла и значения. Итак если они сказуются, но не о естестве», а все сказуемое, «конечно, имеет собственный смысл и прилагается (к предмету) соответственно, то какое иное остается основание приличного применения таковых выражений... кроме того, что они приписываются» естеству по примыслению?⁶⁵ Единственное «приличное основание» «собственности» имен естеству заключается в «действии нашего ума к уразумению существующего, которое

⁶² *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 968; Jaeger. 1. P. 276:14–16. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 335).*

⁶³ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 7.4 (PG 45, 760; Jaeger. 2. P. 179:27–180:1. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 92).*

⁶⁴ Ср. с концептуализацией А. В. Вдовиченко результатов исследования С. Дугласа «Богословие промежутка: Каппадокийская теория языка и тринитарные споры» (2005): «Доступ к сущности, согласно Евномию, считает Дуглас, открывается посредством лексической идентификации этой сущности; мышление, знание и речь отождествляются в Евномиевой системе языка, и промежуток (*διάστημα*) между ними «схлопывается». В целом, С. Дуглас считает понятие *διάστημα* фундаментальным для понимания природы споров неояриан и каппадокийских отцов о сущности языка: если Евномий не признает промежутка между речью, денотатом и объектом, то позиция Каппадокийских отцов как раз подразумевает этот промежуток» (Вдовиченко 2013b. С. 319).

⁶⁵ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1015; Jaeger. 1. P. 315:17–23. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 385–386).*

мы называем примышлением (*ἐπίνοια*)»⁶⁶. Происхождение имен, таким образом, заключается в свободном примышлении человека. Следовательно, имена не являются «естествословием» самих предметов: «Ибо все прочие имена, придаваемые твари, и без какого-либо “естествословия”⁶⁷ может иной найти случайно приспособленными к предметам: потому что любим так или иначе⁶⁸, обозначать вещи их именем, чтобы знание означаемого (*τῶν σεσημειωμένων τῆν γνῶσιν*) соделалось у нас неслитным»⁶⁹. «Случайность» и «любовь» приспособлять имена «так или иначе» указывают на то, что имя порождается не вещью, а свободным примышлением человека.

Евномий, исключавший в слове основополагающую роль человека, отрицал обусловленность имени нашим умом и учил, что имена «по закону природы» зависят не от нашей свободы, а от самих предметов. Свт. Григорий на это возражал, что если бы сами предметы порождали имена, то не было бы тогда среди народов разных языков. «Итак, если бы закон природы повелевал рождаться для нас именам из самих предметов, как из семян или корней (рождаются) растения, и не предоставил наименования, служащие к обозначению предметов, произволу рассматривающих эти последние, то все бы мы люди имели один и тот же язык; ибо если бы не различались одни от других данные предметам имена, то и мы не разногласили бы друг с другом по образу слова⁷⁰»⁷¹. Как раз «закон природы» человеческой и предоставил наименования свободе «разделяющего слова». Важно подчеркнуть в воззрениях свт. Григория, что люди разногласят друг с другом «по образу слова», но не самим словом. Мы не разногласим в «знании», а различаемся «образом имени». После Вавилонского столпотворения,

⁶⁶ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium* 12.2 (13) (PG 45, 1015; Jaeger. 1. P. 315:26–28. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 386).

⁶⁷ ТСО: словопроизводства.

⁶⁸ ТСО: как ни есть.

⁶⁹ *Gregorius Nyssenus. Quod non sint tres dii, ad Ablabium* (PG 45, 121; Jaeger. 3.1. P. 43:4–9. Рус. пер.: ТСО. Т. 40. Ч. 4. С. 117).

⁷⁰ ТСО: отличались друг от друга особыми языками.

⁷¹ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium* 12.2 (13) (PG 45, 1093; Jaeger. 1. P. 385:28–386:5. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 478).

«не разноглася относительно знания предметов, люди стали различаться образом именованя (их). Ибо не иное что кажется камнем или деревом (одним и не иное) другим, а имена (сих) веществ у каждого (народа) различны, так что остается твердым наше слово, что человеческие звуки суть изобретения нашего рассудка.... Бог, восхотев, чтобы люди были разноязычны, предоставил им идти естественным путем и каждому (народу) как угодно образовать звук для объяснения имен»⁷². Свобода истолкования, или именованя, заключается в том, что звук для имен изобретается «как угодно людям, сообразно их привычкам»: «Иначе именует небо еврей и иначе хананей; но тот и другой понимают одно и то же, от различия звуков нисколько не ошибаясь в разумении предмета»⁷³. Таким образом, человечество едино по умной стороне слова, а различается — по стороне имени.

Устраняя человека от изобретения имен, Евномий осмелился приписать это действие Самому Богу. Лжеучитель провозглашал, «что не только в делах обнаруживается величие Божие, но и в именах оказывается премудрость Бога, свойственно и естественно приспособившего названия к каждому сотворенному (предмету)»⁷⁴. Верно признавая, что имена «естественны и соответственны» предметам, основание этого соответствия Евномий ошибочно полагал в происхождении имен от Бога, а не от человека. Его высоко парящему разуму казалось «сообразным с законом Промысла и праведным», «чтобы имена предметам даны были свыше», и «нечестивым и нелепым, чтобы наименования предметов были составляемы находящимися долу существами»⁷⁵. Бог Сам дал имена предметам, а потом «насадил их в наших душах», поэтому через рождающиеся из предметов имена мы имеем доступ к самому их естеству.

⁷² *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 996; Jaeger. 1. P. 300:13–26. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 366–367).*

⁷³ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1005–1008; Jaeger. 1. P. 310:2–5. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 378); см.: Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1002; Jaeger. 1. P. 305:23–26. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 373).*

⁷⁴ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1045; Jaeger. 1. P. 344:8–13. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 423).*

⁷⁵ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1093; Jaeger. 1. P. 386:14–17. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 479).*

Нисский архипастырь обличает прежде всего внешний церковному Преданию источник данного учения о божественном происхождении имен — языческую философию. Евномий «говорит это, вероятно, или сам прочитав Кратила, разговор Платонов, или услышав от кого-нибудь из читавших; по великой, думаю, скудости мыслей шивает с своим празднословием тамошнюю болтовню. Он делает нечто подобное собирающим себе пищу нищенством; ибо, как они, получая нечто малое от каждого из подающих, из различных и разнообразных веществ составляют себе пищу: так и речь Евномия, по скудости истинного хлеба, отовсюду собирает собственным трудом крохи речений и мыслей. Поэтому, оглушенный благозвучием Платоновой речи, он считает приличным сделать догматом церкви его философию»⁷⁶. В писаниях Платона, по утверждению святого Григория, содержится хоть и «благозвучная», но «болтовня», то есть под красивым речевым покровом ложное постижение сущего, которое не может быть боговдохновенным догматом Церкви, то есть «истинным хлебом». Действительно, «жесткая критика лингвобогословской концепции Евномия, предпринятая каппадокийцами, осознанно осуществляется как радикальный отказ от платоновской традиции в ее филологической части. Каппадокийцы выступают против общего платоновско-стоического тренда как в области школьной грамматической, так и философской доктрины»⁷⁷. Помимо Платона, Евномий, как указывает свт. Григорий, следует своему «вождю и соратнику в догматах» Аристотелю («искусному в извращении истины») (ἡ Ἀριστοτέλους κακοτεχνία)⁷⁸ и считает человеческие примышления лежащими вне Божественного Промысла⁷⁹. Наконец, еретик придерживается

⁷⁶ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium* 12.2 (13) (PG 45, 1045; Jaeger. 1. P. 344:13–25. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 423–424).

⁷⁷ Вдовиченко 2013b. С. 319.

⁷⁸ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium* 1.6 (PG 45, 265; Jaeger. 1. P. 41:4–5. Рус. пер.: ТСО. Т. 41. 1862. Ч. 5. С. 33. См. также ссылку свт. Григория Паламы на эту характеристику языческого философа Нисским богословом: «Философской учености лучше всех достигла душа Аристотеля, которого богословы называли лукавым» (*Григорий Палама, свт.* Триады в защиту священнобезмолвствующих 2, 1, 7) (*Григорий Палама, свт.* 2005. С. 121)).

⁷⁹ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium* 12.2 (13) (PG 45, 1048; Jaeger. 1. P. 346:4–9. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 425).

«физиологии Эпикура» (τῆν Ἐπικουρείων φυσιολογίαν), опираясь на которую считает словесное примышление подобным атомам этого философа, то есть пустым, неделимым и случайным: «Но я пройду мимо и это, и следующее дальше эпикурейское естествослобие их, о котором говорит, что оно равносильно примышлению, утверждая, что пустота и атомы и случайное происхождение сущего сродны с теми, что означается примышлением. <О, как знает он Эпикура! Если обозначающие вещи звуки налагаем словесной силой нашей природы, посему, перечисляя, согласно Эпикуру, неделимые тела, и взаимосплетения, и столкновения, и отталкивания атомов и тому подобное, мы уличены>⁸⁰». Как бессмысленно, согласно Эпикуру, составление сущего, так бессмысленно и словесное примышление человека. Однако свт. Григорий смеется над высокой мирской ученостью лжеучителя Евномия и отвергает притязания лжеименного разума быть догматом веры.

Утверждаясь на Божественном Писании, архипастырь опровергает эту «тщательную и обдуманную философию»: «... учит нас противному Писание, что ни Адам не сотворил животных, ни Бог не наименовал, но от Бога происхождение (ἡ γένεσις), а от человека название происшедшего, как повествует Моисей»⁸¹. В лице Адама Бог людям даровал «власть имятворчества»^{82, 83}. Святой отец показывает, что, возвышая имена до божественного происхождения, Евномий унижает Бога. Под философской гордыней евномиянок сокрылось не что иное, как буквоедское иудейство: «Но сотворил ли Бог сии названия и наименования, и установил ли изначала, чтобы так было и называлось, приказал ли, чтобы такое-то семя называть пшеницей, сотрение же его именовать

⁸⁰ Лакуна в переводе ТСО, восстанавливаемая по критическому изданию В. Йегера: εἰ τὰς σημαντικὰς τῶν πραγμάτων φωνὰς τῆ λογικῆ δυνάμει τῆς φύσεως ἡμῶν ἀνατίθεμεν, διὰ τοῦτο τὰ ἀμερῆ σώματα καὶ τὰς τῶν ἀτόμων ἀντεμπλοκάς καὶ συγκρούσεις καὶ ἀποπάσεις καὶ τὰ τοιαῦτα κατ' Ἐπικουρον λέγοντες ἐλεγχόμεθα (Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1048; Jaeger. 1. P. 345:25–346:4. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 425)).

⁸¹ Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1048; Jaeger. 1. P. 346:16–20. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 426).

⁸² ТСО: словотворчества.

⁸³ Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1093; Jaeger. 1. P. 386:13. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 479).

мукою...? Болтовня и суетность иудейская, совершенно чуждая возвышенности образа мыслей христиан, думать, что великий и вышний и превысший всякого имени и мысли Бог, единою силой изволения все обдержавший и изводящий в бытие и в бытии сохраняющий, — сей (Бог), как бы некоторый грамматик, сидит занимаясь тонкостями такого установления имен»⁸⁴. Величие Божие состоит в творении сущего, а не имен.

Домыслы Евномия о божественном происхождении имен в корне опровергаются тем же разнообразием языков: «... имена, если бы были установлены и согласованы с вещами Самим Богом, у всех были бы одни и те же. Но теперь, естество вещей, как водруженное Богом, пребывает недвижимым, а звуки, служащие для обозначения их, разделились на столько различий языков, что даже и исчислить (их) по множеству нелегко»⁸⁵. И если Евномий «утверждает, что Петр и Павел потому переименованы, что имена даны им людьми, то, конечно, будет иметь силу и наше слово, на подобном же основании утверждающее, что все вещи наименовываются нами, потому что названия (*τὰς προσηγορίας*) их по различию народов изменяются»⁸⁶. Различие языков, то есть номенклатур имен, свт. Григорий считает главным доказательством того, что вещи именовуются людьми. Святой отец показывает, что, возвышая имена до божественного происхождения, Евномий унижает Бога. Бог является Творцом не имен, а вещей и нашей словесной, то есть умно-телесной, природы.

Святые Каппадокийцы в споре с Евномием отстаивали прежде всего силу человеческого слова, созданного по образу Слова Божия. Евномий «обвиняет нас (св. Василия Великого и св. Григория Нисского. — Г. Д.) в неправде за то, что мы не отрицаем, что человек создан от Бога словесным»⁸⁷, но изобретение речений относим к силе

⁸⁴ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 992; Jaeger. 1. P. 296:15–297:2. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 361–362).*

⁸⁵ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 996; Jaeger. 1. P. 299:26–300:1. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 366).*

⁸⁶ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 7.4 (PG 45, 760; Jaeger. 2. P. 178:26–179:3. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 90–91).*

⁸⁷ ТСО: разумным.

слова⁸⁸, данной Богом естеству человеческому»⁸⁹. От Бога мы получили умно-телесную природу и дар словесного примышления, то есть способность выражения ума посредством тела в звуках и буквах. Движения же и действия словесной человеческой природы, или слова́ слова, принадлежат уже каждому из нас: «Как Бог, дав животному силу движения, уже не управляет и каждым порознь его шагом, потому что естество (его) однажды получив начало от Творца, само себя движет и направляет, совершая какое куда угодно движение... так и получив от Бога возможность говорить и произносить звуки и голосом возвещать желаемое, естество (наше) действует само собою, налагая на существующие (предметы) некоторые знаки, посредством известного различия звуков. Таковы произносимые нами речения и имена, которыми мы означаем свойства предметов»⁹⁰. Получив природу от Бога, люди, таким образом, имеют «общее слово»⁹¹, то есть ум, выражающий себя в именах, «а изобретать существующим предметам служащие к их обозначению наименования»⁹² принадлежит получившим от Бога словесную силу⁹³ людям, которые всегда по своему произволу, для яснейшего представления предметов, изобретают известные речения, указывающие их свойства»⁹⁴. В «природу» человеческого слова вложена «власть именовать все мыслимое так или иначе», то есть свобода разногласить в именах. Таким образом, причину именования человеком сущего свт. Григорий Нисский полагает в Боге, даровавшем ему слово, а власть именовать — в словесной силе человека.

Обобщая вышесказанное, отметим, что слово человека, в представлении свт. Григория Нисского, охватывает три элемента — сущее или

⁸⁸ ТСО: разума.

⁸⁹ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 976; Jaeger. 1. P. 282:20—24. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 344).*

⁹⁰ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 992—993; Jaeger. 1. P. 297:15—26. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 363).*

⁹¹ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1044; Jaeger. 1. P. 342:9. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 421).*

⁹² ТСО: слова и наименования.

⁹³ ТСО: способность мышления.

⁹⁴ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1096; Jaeger. 1. P. 387:23—388:2. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 480—481).*

Сущего, мысль и имя. В зависимости от предмета познания — сущего или Сущего — можно различать слово о твари и слово о Боге. В слове о твари связь между всеми тремя его элементами заключается в последовательном отношении «по образу». Именно *соответствием* третьего элемента второму, а второго — первому обусловлено то, что третий элемент соответствует первому, то есть имя — сущему. Если истинность мысли заключается в ее соответствии сущему, а истинность имени заключается в его соответствии мысли, то через свое соответствие мысли имя соответствует самому сущему. Поэтому свт. Григорий и утверждает, что имя и естество вместе «свидетельствуют» истину⁹⁵. Соответствие мысли сущему, а имени — мысли определяет структуру слова о твари.

Тем самым слово, с точки зрения святителя, не представляет собой замкнутое бинарное образование по типу «означаемое/означающее»⁹⁶, элиминирующее сущее, так же как и не представляет собой «треугольник»⁹⁷, у которого по определению нет ни начала, ни конца, ни направления движения. Если прибегать к геометрическим аналогиям, то слово, по свт. Григорию, скорее представляет собой вектор. Так, началом слова о твари является первообраз-сущее, серединой — мысленный его образ, а концом — образ имени. Направление в слове задано бытием: от сущего происходит имя, а не от имени — сущее. Святитель указывает на эту очевидность: «Ибо не от названия что-либо получает бытие, но подлежащее естество, каким оно есть, таким и признается посредством обозначения соответственным именем. Например, если кто дереву или камню придаст название: человек; станет ли от этого названия дерево или камень человеком? Не будет им; нужно прежде

⁹⁵ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1017; Jaeger. 1. P. 319:10–11. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 391).*

⁹⁶ См. теорию языкового знака Ф. де Соссюра, неслучайно являющуюся основополагающим текстом структурализма: «... единица языка есть нечто двойственное, образованное из соединения двух компонентов.... Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ.... Языковой знак есть, таким образом, двусторонняя психическая сущность... Мы предлагаем сохранить слово *знак* для обозначения целого и заменить термины *понятие* и *акустический образ* соответственно терминами *означаемое* и *означающее*» (Соссюр 1977. С. 99–100).

⁹⁷ См. теорию знака Г. Фреге (Фреге 2000. С. 489).

быть человеком, а затем уже называться именем принадлежащим сему естеству»⁹⁸. Имена, подчеркивает Нисский святитель, существуют после предметов и не ранее познания их человеком: «Если же сущность предшествует действиям, а действия мы постигаем на основании того, что чувствуем, и по мере возможности выражаем сие *речениями*⁹⁹; то какое же еще остается место для опасения называть имена недавними сравнительно с предметами?»¹⁰⁰. Заданное бытием направление слова продолжается познанием этого бытия человеком. Наша мысль есть причина имени, а не наоборот: «Ибо сказанное так, или иначе, не делается причиною составившейся в нас мысли... И истолкователем помышленного делаем мы слово, а не наоборот из того, что говорим, собираем мысли»¹⁰¹. В слове, таким образом, 1) бытие 2) через наше познание венчается 3) именем. Поэтому, согласно свт. Григорию, именам никак нельзя отдавать предпочтение перед предметами, ибо «для

⁹⁸ *Gregorius Nyssenus. De Perfectione christiana ad Olympium* (PG 46, 256; Jaeger. 8.1. P. 177:14–20. Рус. пер.: ТСО. Т. 44. Ч. 7. С. 228).

⁹⁹ ТСО: словами.

¹⁰⁰ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13)* (PG 45, 960; Jaeger. 1. P. 269:2–6. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 324).

¹⁰¹ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 1.37* (PG 45, 417; Jaeger. 1. P. 182:24–183:3. Рус. пер.: ТСО. Т. 41. Ч. 5. С. 205–206. Ср. со свт. Григорием Паламой: «... не именами, — о, человек! — переустраиваются вещи, но вещами значение высказываний перетягивается и перерасполагается: ибо вещи суть причины имен, а не имена — вещей» (*Григорий Палама, свт. Антирретики против Акиндина 5, 17, 68* (*Григорий Палама, свт.* 2010. С. 236)). Вектор словообразования, как и смысловосприятия направлен от мысли к именам, а не от имен к мыслям. А. В. Вдовиченко представляет это следующим образом: имена «согласованы с мысленным планом действия говорящего и только поэтому могут быть затем поняты интерпретатором. Поэтому на аргумент: “Попробуйте вместо одних слов сказать другие — пусть они приобретут мыслимое значение”, — можно ответить следующее: “Вы заставляете меня бессмысленно, незнательно, бездумно реализовывать какую-то *другую* ситуацию, производить *другое* действие (т. е. употреблять по отношению к этой мысли-“действию” лжеимена. — Г. Д.). Я никогда так не делаю — не говорю бездумно. Слова никогда *сами по себе* не говорятся. И *сами по себе* ничего не значат. Слова осознаются не в последовательности “слово — смысл”, а в последовательности “смысл — слова — смысл”. Тот, кто воспринимает слово, сказанное ради эксперимента, и видит его бессмысленность, в действительности видит абсурдность “*действия в данной ситуации, а не слова*” (т. е. видит, что имя не соответствует, то есть не является образом, истолковывающим данный мысленный образ сущего. — Г. Д.)» (Вдовиченко 2013а. С. 387).

всех ясно, что никакое имя само по себе не имеет существенной самостоятельности, но всякое имя есть некоторый признак и знак какой-либо сущности и мысли, сам по себе и несуществующий, и немислимый», поэтому нельзя «отдавать предпочтение тому, что не существует (τῷ δὲ μὴ ὑφ'εστῆχότι)»¹⁰². Имя не существует само по себе без сущего и его познания нами.

Важно обратить внимание на ту мысль свт. Григория, что человеческому познанию и именованию доступна не сущность сущего, а его действия. С особенной силой св. отец указывает на доступность именованию действий, а не сущности, когда поясняет специфику имен Божиих. Однако всякое имя, согласно святителю, отлично от значения сущности и имеет значение действий: «Ибо если говоримое о Боге мы изъясняем не прежде, чем мысленно представим; а представляем на основании знания, даваемого действиями; действиям же предшествует сила, а сила зависит от Божеского хотения, а хотение лежит во власти Божеского естества: то не ясно ли научаемся, что наименования, означающие происходящее, по происхождению позже самих предметов, и имена¹⁰³ суть как бы тени предметов, образуемые соответственно движениям существующего?»¹⁰⁴. Итак, имя, соответствующее мысли, через нее соответственно «движениям существующего». Через соответствие мысленному образу образ имени соответствует сущему-первообразу. Имя — «тень»¹⁰⁵ сущего в том смысле, что является образом образа первообраза. Называя имя «тенью» сущего, свт. Григорий Нисский утверждает соответствие имени сущему, опосредованное нашим мышлением. Благодаря этому соответствию мы истинно познаем свойства сущего из имен¹⁰⁶.

¹⁰² *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1109; Jaeger. 1. P. 398;15–19. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 495).*

¹⁰³ ТСО: слова.

¹⁰⁴ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 960; Jaeger. 1. P. 269.6–14. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 324–325).*

¹⁰⁵ «Тенью (сенью)» св. Григорий называет также добродетели человека по образу добродетелей Божества (*Gregorius Nyssenus. In Psalmos inscriptiones 2.14 (PG 44, 585; Jaeger. 5. P. 156:4–5. Рус. пер.: ТСО. Т. 38. Ч. 2. С. 169).* «Тень» — это метафорическое обозначение категории образа в богословии свт. Григория Нисского.

¹⁰⁶ Очевидно, что представление свт. Григория Нисского о слове (λόγος) человека обнаруживает совершенно искусственный и ложный характер спора так называемых

Богословие образа, развиваемое свт. Григорием Нисским, позволяет не только прийти к динамической и разомкнутой модели слова как вектора, но и начало слова о твари поместить в Самом Боге. Тогда истинное имя есть «тьнь» не только сущего, но и Самого Сущего. Так, Слово Божие есть Истина и содержимые Им слова — это истины существ¹⁰⁷. Сущность твари действует, то есть является, «в соответствии» с вложенным в нее словом Божиим¹⁰⁸. Следовательно, явление твари соответствует осуществляющему ее действию Божию. Это первое опосредование Истины — опосредование нетварного тварным. В свою очередь, соответственное слову Истины явление твари получает соответственный себе образ в добродетельном уме человека. Это второе опосредование Истины — уже словом по образу Слова. Наконец, мысленный образ, соответственный явлению твари, которое соответственно слову Истины, истолковывается в соответственном себе образе имени. Это третье опосредование Истины — именем. Таким образом, перед нами три разноприродные среды (тварь, мысль, имя), отделяющие от нас Бога Истину, но в то же время проницаемые для Него. Бог Истина проходит сквозь все нетождественные Себе естества, являясь в них «по образу». Разве что на этапе страстного слова человека две последние среды (мысль и имя) становятся непроницаемыми средостениями, препятствующими явлению в них Истины. Слово же добродетельного человека — «тьнь» Самого Слова Божия, то

«реалистов» и «номиналистов», под разными обличьями неоднократно возникавшего в истории (вспомним обвинение самого св. Григория в «скептическом номинализме» С. Булгаковым (Булгаков С., прот. 2002. С. 244.)). Согласно «реалистам», в имени выражается сама сущность (евномианство). С точки зрения «номиналистов», имя не зависит от сущности. Богословие образа свт. Григория антиномично синтезирует данные тезисы, то есть, с одной стороны, утверждает, что имя соответствует, то есть действительно являет сущность через посредство мысли (тезис «реализма», а с другой — что имя и сущность абсолютно нетождественны друг другу по естеству (тезис «номинализма»).

¹⁰⁷ *Gregorius Nyssenus. De Vita Moysis* (PG 44, 388; Jaeger. 7.1. P. 97:12–21. Рус. пер.: ТСО. Т. 37. 1861. Ч. 1. С. 327).

¹⁰⁸ *Gregorius Nyssenus. Apologia in hexaameron* (PG 44, 73; Jaeger. 4.1. P. 22:6–14, 4.1. P. 22:18–20. Рус. пер.: ТСО. Т. 37. Ч. 1. С. 16; Там же // PG 44, 113В; Jaeger. 4.1. P. 72:3–6. Рус. пер.: ТСО. Т. 37 Ч. 1. С. 62–63 и др.

есть «тьень» Истины. Созерцающий Истину истинный ум рождает истинное слово. Таким образом, отдаленнейшим началом слова человека о твари является Сам Бог.

Если имя через мысль соответствует самому существу, то лжеимя через несоответствие мысли не соответствует и существу. Имена провозглашаются «простыми названиями», ни к чему не обязывающими естество и нашу мысль о нем: «Слабейшее, говорит (Евномий. — Г. Д.), удостаивается простого почетного названия, не будучи по естеству таковым, как называется»¹⁰⁹. Лжеимена выходят из послушания естеству и мысли о нем, то есть даются «всуе», чем открывают путь обману: «Ибо обману свойственно называть слабые вещи не по естеству и достоинству, но всуе давать им названия, заимствуемые от превосходных (предметов), не соглашая силы именуемого с именем»¹¹⁰. Учением о произвольности имени без обязательного соответствия его мысли и естеству Евномий обосновывал свою арианскую ересь. Он почитал Сына Богом только на словах, а подразумеваемое именами Божественное достоинство Его естества отвергал¹¹¹. «Ибо в сказанном им, что почетнейшие имена прилагаются и к слабейшим (предметам), хотя по естеству они и не имеют соответствующего именам достоинства, заключается у него некоторое подготовление, скрытно полагающее путь к хульному выводу, дабы ученики его узнали от него, что хотя Единородный и называется Богом, светом и истиною, Судиею и Царем, Богом над всеми и великим Богом, Князем мира и Отцом будущего века, и всем подобным сему, — но Ему принадлежит только честь имени; самому же достоинству, на которое указывает значение

¹⁰⁹ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1017; Jaeger. 1. P. 318:28–29. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 390).*

¹¹⁰ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1020; Jaeger. 1. P. 321:18–22. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 393–394).*

¹¹¹ Евномий фантазию своего гордого разума, то есть ложный мысленный образ Сына как твари, принял за подлинное понятие о Нем. Это было бы лишь заблуждением, поддающимся уврачеванию, если бы еретик затем не стал обозначать свою мысль ложным по отношению к ней именем «Бог», чем показал свою злонамеренность. Парадокс состоит в том, что ложное по отношению к его мысли о Сыне имя «Бог» выступает истинным по отношению к Самому Сыну.

имен, Он не причастен»¹¹². «Честь» лжеимени свободна и отвлечена от «достоинства» естества, то есть лжеимия дает ложное «руководство, что́ должно мыслить о подлежащем»¹¹³. Мысленный образ, являемый лжеименем, не соответствует наличному мысленному образу сущего. Ум, поврежденный пороком, разрывает в слове цепочку соответствий «по образу», которая восходит к Самой Истине Первообразу. В частности, из значения лжеимени становится невозможным умозаключать о свойствах сущего. Иными словами, страстным словом разрушается его собственно гносеологический план.

Ложное слово, однако, можно сделать истинным. Для этого нужно соответственно «значению» лжеимени, то есть соответственно являемому им мысленному образу, «изменить естество»¹¹⁴. Таким способом пророк Даниил в вавилонском плену «исправил заблуждения вавилонян» о Боге: «... мудрый Даниил совершил у вавилонян, исправляя их заблуждения в рассуждении идолов, дабы не поклонялись меди или змию, почитая имя Божие, которое сими суетными людьми было при- даваемо этим (предметам), и своим действием ясно показал, что высо-

¹¹² *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1020–1021; Jaeger. 1. P. 322:11–23. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 394–395. Ср. с опровержением данного силлогизма Евномия о несоответствии имен понятиям о сущем свт. Кириллом Александрийским: «Однако же стоит спросить тех, кто так говорит, не обозначают ли имена, положенные вещам, их сущности, хотя и являются иными по сравнению с ними? И в самом деле, имя “человек” обозначает природу человека, но есть нечто иное по сравнению с ним. Ибо человек — предмет видимый, а его имя — лишь слышимое. Следовательно, если кто наименоует человека, то, — поскольку он всяко не есть то, что означает это имя, согласно их силлогизму, — он должен будет помыслить нечто иное, а вовсе не то, что означает это имя. Если же это преисполнено безумия, то не должно ни отбрасывать буквальный смысл имен (τὰς τῶν ὀνομάτων κυριολογίας), ни мыслить их чем-то иным по сравнению с обозначаемым ими; ибо, таким образом, будет прекращено безумие еретиков» (*Cyrrillus Alexandrinus. Thesaurus de sancta consubstantiali trinitate 19 // PG 75, 321 (Рус. пер.: Кирилл Александрийский, свт. 2014. С. 190–191). И так, имена имеют и «буквальный смысл имен», то есть не тождественны означаемому по естеству, но в то же время они не «инаковы» от означаемого, поскольку «обозначают» его. Перед нами логика категории образа, которая является, как видим, общесвятоотеческой.**

¹¹³ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 7.5 (PG 45, 761; Jaeger. 2. P. 181:24–26. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 94).*

¹¹⁴ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1017; Jaeger. 1. P. 319:3–4. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 390).*

кое имя Божества не приличествует ни пресмыкающемуся животному, ни тому образу, который дан меди»¹¹⁵. «Высокое имя Божества» приличествует Богу Израилеву, а не таким естествам, как пресмыкающееся животное или медь. Пророк исправил «обман» вавилонян, заменив эти «естества» «естеством» Бога Истинного. Изменением естества под значение лжеимени восстанавливается истина слова.

Соблюдение истины в слове через соответственное мысли именованию, как напоминает нам Нисский архиепископ, является одной из заповедей Божиих. Сам Бог запрещает ложное «смешение» (τῆ συγχύσει) имен словами пророка Исаяи, который «горе, говорит, глаголющему тьму свет, и свет тьму, полагающему горькое сладкое, и сладкое горькое»¹¹⁶,¹¹⁷. Как Бога Слово следует почитать «взирающим на истину предметов, свидетельствующим о каждом по достоинству, и дающим название по делам»¹¹⁸, так и образ Его, слово человека, должно взирать на истину предметов, свидетельствовать о них по достоинству и именовать их по делам, то есть соблюдать соответствие имени мысли, а через нее — соответствие имени предмету. «Разделяющее слово» человека обязывается достичь добродетельного состояния.

Связь имени и обозначаемого им естества, заключающаяся в соответствии «по образу», по мнению свт. Григория Нисского, настолько сильна, что принятие на себя какого-либо названия, или «общение имени», обязывает естество встать в полное соответствие со значением имени. Так, если Христос — «первое из имен, величайшее и самое божественное» и в значении его заключены все свойства Христа, то, чтобы не лжеименно называться христианами, «в нас должны усматриваться» все свойства, которые изъясняются именем «Христос». «Итак поелику благим Владыкою дано нам быть общниками величайшего, самого божественного и первого из имен, так что будучи почтены

¹¹⁵ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1021; Jaeger. 1. P. 322:23–29. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 395).*

¹¹⁶ Ис. 5, 20.

¹¹⁷ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1017; Jaeger. 1. P. 319:22–24. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 391).*

¹¹⁸ *Gregorius Nyssenus. Contra Eunomium 12.2 (13) (PG 45, 1020; Jaeger. 1. P. 321:28–322:1. Рус. пер.: ТСО. Т. 43. Ч. 6. С. 394).*

именем Христа, мы называемся христианами: то необходимо, чтобы усматривались в нас и все прочие, изъясняющие это речение, имена, чтобы это название не было у нас лжеименным, но свидетельствовало жизнью»¹¹⁹. Одно лишь приложение к нам названия не изменит нашего естества, а без нашего соответствия название будет лжеименным. «Итак тем, кои именуют себя именем Христовым, прежде необходимо быть тем, чего требует имя, а за сим уже усваивать себе сие название»¹²⁰. Истина слова, таким образом, обязывает к соответствию все три его элемента, и начальным звеном, обуславливающим соответствия в слове человека, выступает естество.

В этом контексте свт. Григорий Нисский делает также важное уточнение. Согласно ему, для имени определяющими являются отличительные свойства какого-либо естества. Имя, по мнению свт. Григория, «принадлежит» именно «естеству», то есть характеризует существенные свойства какой-либо вещи. На основании данной «принадлежности естеству» св. отец различает употребление имени в «собственном» и «несобственном» его значениях (аналог прямого и переносного значений в лингвистике). Так, если имя описывает естество в его отличительных свойствах, то оно употребляется в своем «собственном и истинном» значении. «Если что-либо именуется нами в собственном и истинном смысле, то конечно самое естество (предмета) должно показать истину названия»¹²¹. Если же имя употребляется в «несобственном» значении, тогда оно не описывает естества в его особенности, а указывает лишь на сходство с ним в чем-либо. «Потому что и при уподоблениях, названия не имеют собственного значения, если, например, кто статую называет человеком, или лошадью изображение ее (τὸ μίμημα)»¹²². «Уподобление» статуи имеет только сходство с че-

¹¹⁹ *Gregorius Nyssenus. De Perfectione christiana ad Olympium* (PG 46, 256; Jaeger. 8.1. P. 177:7–14. Рус. пер.: ТСО. Т. 44. Ч. 7. С. 227–228).

¹²⁰ *Gregorius Nyssenus. De Perfectione christiana ad Olympium* (PG 46, 256; Jaeger. 8.1. P. 178:2–4. Рус. пер.: ТСО. Т. 44. Ч. 7. С. 228).

¹²¹ *Gregorius Nyssenus. De Perfectione christiana ad Olympium* (PG 46, 256; Jaeger. 8.1. P. 177:23–24. Рус. пер.: ТСО. Т. 44. Ч. 7. С. 228).

¹²² *Gregorius Nyssenus. De Perfectione christiana ad Olympium* (PG 46, 256; Jaeger. 8.1. P. 177:21–23. Рус. пер.: ТСО. Т. 44. Ч. 7. С. 228).

ловеком по виду, и для обозначения этого сходства к ней прилагается имя «человек». Однако чтобы назвать «собственным именем» сами уподобления, нужно также определить их естество: «...а служащее для подражательных изображений вещество, чем есть по природе, тем и именуется, — медью, камнем и тому подобным, чему искусство придало вид, изобразив что ему угодно»¹²³. Таким образом, в «собственном и неложном» значении имя усваивается существенным и отличительным свойствам естества.

Сделав это уточнение, святитель Григорий теперь утверждает, что употребление имен в собственном значении (*χρῖως*) позволяет различать между подлинным естеством и лишь кажущимся таковым: «И как, если бы кто захотел различить действительного человека, от называемого также человеком изображения его, тот сделал бы различие на основании свойства того и другого; ибо первым назовет живое существо, одаренное словом¹²⁴ и умом, а вторым — вещество бездушное, принявшее вид человека при помощи подражания»¹²⁵. К первому на основании отличительных признаков естества прилагается имя «человек», а ко второму на основании сходства только по виду усваивается имя «изображение». Таким же образом, умозаключает святой архипастырь, из отличительных особенностей естества распознаем, является ли человек истинным или лжеименным христианином: «...так и христианина, истинного и кажущегося, распознаем из открывающихся в каждом характеристических свойств. Свойства подлинного христианина все те, какие мы нашли во Христе; из них доступным для нас подражаем, а те, подражание коим недоступно нашему естеству, чтим и поклоняемся им. Итак, если Божий человек должен быть совершен, по слову апостола¹²⁶, без всякого искажения совершенства со стороны зла, то нужно, чтобы в жизни христианской одни чрез подражание, другие чрез поклонение просиявали все имена, изъясняющие значение имени:

¹²³ *Gregorius Nyssenus. De Perfectione christiana ad Olympium* (PG 46, 256; Jaeger. 8.1. P. 177:24–178:1. Рус. пер.: ТСО. Т. 44. Ч. 7. С. 228).

¹²⁴ ТСО: рассудком.

¹²⁵ *Gregorius Nyssenus. De Perfectione christiana ad Olympium* (PG 46, 256; Jaeger. 8.1. P. 178:4–8. Рус. пер.: ТСО. Т. 44. Ч. 7. С. 228–229).

¹²⁶ 2 Тим. 3, 17.

Христос»¹²⁷. Истинным именем различаем естества, как и естеством распознаем истинность имен. Сходство не по существенным признакам или лишь по малой части существенных признаков уже не позволяет, согласно свт. Григорию, употреблять имя «в собственном и неложном» его значении. В одном чем-либо соответствовать имени Христа, а в другом не соответствовать — значит иметь ложь в отношении к имени в самом своем естестве, то есть в существенных своих свойствах. Сила соответствия имени обозначаемому естеству такова, что обязывает нас встать в полное соответствие его значению.

Таким образом, раскрытые свт. Григорием Нисским духовные и гносеологические параметры слова всецело обусловлены природой и деятельностью ума человека. Не только истинность, но и нравственное качество познавательной и именующей деятельности человека определяется богоподобием его ума. Глубина, оригинальность и эвристичность теории слова свт. Григория Нисского обусловлены лежащей в ее основе истинной христианского Откровения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Булгаков С., прот. 2002 — Булгаков С., прот. Смысл учения св. Григория Нисского об именах // *Троицкий С. В.* Учение св. Григория Нисского об именах Божиих и имябожники / Сост. А. Ковтун, К. Шахбазян. Краснодар, 2002. С. 242–248. [*Bulgakov S., prot.* Smysl ucheniia sv. Grigoriia Nisskogo ob imenakh (The meaning of the teachings of St. Gregory of Nyssa about names) // *Troitsky S. V.* Uchenie sv. Grigoriia Nisskogo ob imenakh Bozhiikh i imiabozhniki (The Doctrine of St. Gregory of Nyssa on the names of God and the name-worshippers) / Sost. A. Kovtun, K. Shakhbazian. Krasnodar, 2002. P. 242–248.].
- Вдовиченко 2013а — Вдовиченко А. В. Грекоязычные библейские тексты в предметной и дискурсивной моделях описания. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальностям 10.02.19 — Теория языка и 10.02.14 — Классическая филология. М., 2013. [*Vdovichenko A. V.* Grekoiaznychnye bibleiskie teksty v predmetnoi i diskur-

¹²⁷ *Gregorius Nyssenus.* De Perfectione christiana ad Olympium (PG 46, 256; Jaeger. 8.1. P. 178:9–19. Рус. пер.: ТСО. Т. 44. Ч. 7. С. 229).

- sivnoi modeliakh opisaniia. Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk po spetsial'nostiam 10.02.19 — Teoriia iazyka i 10.02.14 — Klassicheskaia filologiia (Greek-language biblical texts in the subjective and discursive models of description. Canditates of philology dissertation in the specialization of 10.02.19 — Theory of language and 10.02.14 — Classical philology). Moscow, 2013.]
- Вдовиченко 2013b — *Вдовиченко А. В.* «Примышление» и «порождение»: Евномий и каппадокийцы о современных проблемах философии языка // Языковые параметры современной цивилизации. Сборник трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю. С. Степанова / Под ред. В. З. Демьянкова, Н. М. Азаровой, В. В. Фещенко, С. Ю. Бочавер. М., 2013. С. 314–321. [*Vdovichenko A. V.* «Primyshlenie» i «porozhdenie»: Evnomii i kappadokiitsy o sovremennykh problemakh filosofii iazyka (“Epinioia” and “genesis”: Eunomius and Cappadocians about modern problems of the philosophy of language) // Iazykovye parametry sovremennoi tsivilizatsii. Sbornik trudov pervoi nauchnoi konferentsii pamiati akademika Rossiiskoi Akademii Nauk Iu. S. Stepanova (Language parameters of modern civilization. Collection of Proceedings of the First Scientific Conference of the Memory of Academician of the Russian Academy of Science Yu. S. Stepanov) / Pod red. V. Z. Dem'iankova, N. M. Azarovoi, V. V. Feshchenko, S. Iu. Bochaver. M., 2013. P. 314–321.]
- Карфикова 2012 — *Карфикова Л.* Имена и вещи согласно Евномию Кизическому и Григорию Нисскому / Пер. с чеш. И. Г. Бея // *Εἶνα: Проблемы философии и теологии.* 2012. № 1. С. 282–306. [*Karfikova L.* Imena i veshchi soglasno Evnomiiu Kizicheskomu i Grigoriuu Nisskomu (Names and things according to Eunomius Syzicus and Gregory of Nyssa) / Per. I. G. Bei // *Εἶνα: Problemy filosofii i teologii (Εἶνα: Problems of Philosophy and Theology).* 2012. № 1. P. 282–306.]
- Михайлов 2005 — *Михайлов П. Б.* Анализ философской аргументации в полемике св. Василия Великого с Евномием. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2005. [*Mikhailov P. B.* Analiz filosofskoi argumentatsii v polemike sv. Vasilii Velikogo s Evnomiem. Avtoref. dis. ...k. filos. n. (An analysis of philosophical argumentation in the polemics of St. Basil the Great with Eunomius: Author's abstract for a candidates dissertation in philosophy). Moscow, 2005.]
- Соссюр 1977 — *Де Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики // *Он же.* Труды по языкознанию / Пер. с фр. под ред. А. А. Холодовича; ред. М. А. Обори-

- на. М., 1977. С. 31–273. [*De Sossior F. Kurs obshchei lingvistiki (Course of General Linguistics) // Idem. Trudy po iazykoznaniiu (Works on linguistics) / Per. s fr. pod red. A. A. Kholodovicha; red. M. A. Oborina. Moscow, 1977. P. 31–273.*]
- Степанов 1998 — *Степанов Ю. С. Метод в языкознании // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой и др. М., 1998. С. 298–299. [Stepanov Yu. S. Metod v iazykoznanii (Method in linguistics) // Iazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' (Linguistics. The Great Encyclopedic Dictionary) / Red. V. N. Iartseva i dr. Moscow, 1998. P. 298–299.]*
- Фреге 2000 — *Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сборник трудов / Пер. с нем. Б. В. Бирюкова; ред. Э. А. Кузичевой. М., 2000. [Frege G. Logika i logicheskaiia semantika: Sbornik trudov (Logic and logical semantics: Collection of works) / Per. B. V. Biriukov; red. Z. A. Kuzicheva. Moscow, 2000.]*
- Grice 1975 — *Grice P. Logic and conversation // Syntax and semantics / Ed. by P. Cole and J. Morgan. Vol. 3: Speech Acts. New York, 1975. P. 41–58.*
- Leech 1983 — *Leech G. N. Principles of pragmatics. L. — New York, 1983.*
- Meredith 2007 — *Meredith A. The language of God and human language // Gregory of Nyssa: Contra Eunomium II: an English version with supporting studies: proceedings of the 10th International Colloquium on Gregory of Nyssa (Olmouc, September 15–18, 2004) / Ed. by L. Karficova... [et. al.]. Leiden — Boston, 2007 (Supplements to Vigiliae christianae 82). P. 247–256.*
- Troiano 1980 — *Troiano M. S. I Cappadoci e la questione dell'origine dei nomi nella polemica contro Eunomio // Vetera Christianorum. 1980. Vol. 17. P. 313–346.*
- Viciano 1988 — *Viciano A. Algunas leyes lógicas del lenguaje, según Gregorio de Nisa: A propósito de dos pasajes de Contra Eunomium I // El «Contra Eunomium I» en la produccion literaria de Gregorio de Nisa: VI Coloquio Internacional sobre Gregorio de Nisa / Ed. L. F. Mateo-Seco, J. L. Bastero. Pamplona, 1988. P. 321–327.*
- Weiswurm 1952 — *Weiswurm A. A. The nature of human knowledge according to saint Gregory of Nyssa. Wash., 1952.*

ПЕРЕВОДЫ

- Григорий Палама, свт. 2005 — Григорий Палама, свт. Триады в защиту священно-безмолвствующих / [Пер. В. В. Библихина (под псевдонимом*

- В. Вениаминова)]. М., 2005. [*Grigorii Palama, svt. Triady v zashchitu sviashchenno-bezmolvstvuiushchikh* (Triads in defense of those who are in holy silence) / [Per. V. V. Bibikhina (pod psevdonomim V. Veniaminova)]. Moscow, 2005.]
- Григорий Палама, свт.* 2010 — *Григорий Палама, свт.* Антирретики против Акиндина / Пер. с др.-греч. и прим. архим. Нектария (Яшунского). Краснодар, 2010. [*Grigorii Palama, svt. Antirretiki protiv Akindina* (Antiretics against Akindinus) / Per. s dr.-grech. i prim. arkhim. Nektariia (Iashunskogo). Krasnodar, 2010.]
- Кирилл Александрийский, свт.* 2014 — *Кирилл Александрийский, свт.* Книга сокровищ о Святой и Единосущной Троице / Пер. с греч. и ком. Р. В. Яшунского, вступ. ст. Г. И. Беневича. СПб. — Краснодар, 2014. [*Kirill Aleksandriiskii, svt. Kniga sokrovishch o Sviatoi i Edinosushchnoi Troitse* (Book of treasures about the Holy and Consubstantial Trinity) / Per. s grech. i kom. R. V. Iashunskogo, vstup. st. G. I. Benevicha. Saint Petersburg — Krasnodar, 2014.]

Abstract

Dyachenko G. B. The Spiritual and gnoseological aspects of speech (λόγος) in the theology of St. Gregory of Nyssa

The article analyses the spiritual-gnoseological aspects of word in theology of st. Gregory of Nyssa. The author explores the indicated by st. Gregory conditions of the truth of the word. In the article also the reconstruction of st. Gregory's model of word is carried out. According to that model, the word consists of three elements — thing, thought and name. The connection between all three elements of word is in consecutive relation “in image”. Besides, this paper investigates the gnoseological parameters of word, that is mediated by human mind a connection between a thing and its name. The author outlines the spiritual perspective of word, which manifests a virtuous or a sinful state of human mind. In general, the intelligent component of word that is hidden behind its sound-letter side is characterized in the work.

Keywords: word, mind, name, image of the name (τύπος), mental image (εἶδος), reflection (ἐπίνοια).